

**Вот - ненависть к Руси «неандертальцев» злобных!!!-
Вот почему их Люби - «Нелюбьми» зовут,
Вот - к Детям их «Любовь», - исток Детей голодных.
Как вымирает Русь, - вот! - посмотрите тут!:**

Александр МИНКИН

— Не будь Сталина — войны бы не было! Обезглавил армию, разоружил границу, «не заметил» немецких приготовлений — спровоцировал нападение.
— Вероломное нападение!
— Нашел кому верить...
— Наведь внезапно!
— Брось. Все, от Черчилля до Зорге, называли день и час.
— Но победили-то мы! Гордиться надо, а не хаять!
Сто раз слышанный разговор.

Прилетел инопланетянин. Ему загадка:
— Кто выиграл войну: тот, кто потерял пять миллионов человек, или тот, кто — тридцать?
Не угадает.
Мы победили. Мы проиграли.
Если считать павших — проиграли мы.
Если кровь ничего не стоит, то... опять мы.

... Девятого мая каждый год празднуем Победу. Как посмотришь, победа над Гитлером — единственное светлое пятно в нашей истории. Чем еще можем гордиться? Коллективизация, террор, застой... Сведущие люди, в том числе генералы и даже маршалы, устали доказывать, что не Сталин, а народ выиграл Войну. Мы (кроме, конечно, неменяемых) усвоили уже, сколь катастрофичны для нас были действия семинариста-генералиссимуса:
а) уничтожение талантливых полководцев и вообще командного состава Красной Армии (цифры публиковались много раз);
б) поставки в Германию (фашистскую, то есть агрессивную!) стратегического сырья, продовольствия, горючего, металла... вплоть до начала войны и даже еще пару дней после;
в) неизвлечение уроков из провала финской кампании;
г) ставка на кавалерию и непонимание того, что стратегия и тактика предстоящей войны будут отличаться от Гражданской;
д) аресты и террор в военной науках, в том числе посадка всех авиаконструкторов;
е) тупая вера в дружбу и честность фюрера (пункт сомнительный: весь мир видел, кто такой Гитлер. Как это Сталин, никому не веривший, убийце и предателю поверил?);
ж) разоружение старой границы до оборудования новой;
з) уничтожение лучших разведчиков «за провокации»;
и) трусливое бегство на дачу в июне 1941-го — страна без руководства, фронты без связи;
к) безоружное ополчение, брошенное под немецкие танки;
л) тупая самоубийственная тактика, не изменная во все годы войны: «взять город к празднику» — тактика, положившая в землю наших солдат из расчета семь к одному (а бывало и 20:1, и не в 1941-м, а в 1944-м);
м) зачисление пленных в «предатели Родины» и другие кровавые приказы;
Неполный список занял пол-алфавита. Перечисленного довольно, чтобы расстрелять любого, пусть самого гениального вождя за государственную измену. (Но в том-то и дело, что Сталин сам и был государством, и зачислял в изменники, кого хотел.)

•••

Чем больше мы узнаем о войне — тем необъяснимей Победа. В 1964-м — через почти двадцать лет после войны — я впервые услышал о заградотрядах — о гениальной системе беззаветной храбрости. Идешь в атаку — может быть, повезет, немцы не убьют. Отступишь — свои убьют обязательно. Кутузова за сдачу Москвы Сталин, конечно, расстрелял бы.

... Немцы потеряли 4,5 миллиона. Мы потеряли 22 миллиона. Число весьма условное, но пока является официальным оно, а не 29 миллионов и не 35. Иосиф Виссарионович назвал 7 миллионов. Считается, будто он убавил, чтобы не огорчать народ-победитель. Думаю, плевать ему было на народ. Гениальнейшему полководцу просто-напросто непростительно было признать истинные размеры потерь. Да и врать к тому времени уже привыкли рефлекторно, машинально. — Мы за цену не постоим! — поют ветераны.

«Нам дешёвая пабэда нэ нужна!» — сказал Сталин, когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери. И все же мы победили.

•••

Победили?
Весь спор — а его всё еще ведут осознавшие с невменяемыми, — весь спор: **вопреки Сталину или благодаря** ему мы победили?

Кто победил? Вот что хотелось бы понять. Несмотря на кажущуюся абсурдность такого вопроса. Для верного ответа сравним уровень жизни победителя и побежденного. СССР и ФРГ. (ГДР не в счет, ГДР — это почти мы. И из ГДР, и от нас немцы бегут в ФРГ, но мы хоть не стреляем им в спину.) Отправим инопланетянина в Тулу и в Гамбург. Пусть скажет, где живут победители. Сравнение катастрофически не в нашу пользу. Реальный доход на душу населения различается не на проценты — во много раз.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» 22 июня 2005 г.

За два года - с октября 1936 года по сентябрь 1938 года в Москве и на выездных сессиях в 60 городах СССР Ульрих, «любитель бабочек», вынес 30 тысяч 614 смертных приговоров. Не считая тех, по которым невинных гнали в лагерь.

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих в форме генерал-полковника.

«Московский Комсомолец»
от 06.04.2006

Рис. 184

Р – значит расстрелять

До 1937 года тоже был террор, но старались соблюдать видимость законности — худо-бедно велось следствие, приговор выносил суд, и осужденных не расстреливали в массовом порядке, а “гуманно и массово” давали по десять лет лагерей. 30 июля 37-го года все изменилось. Нарком внутренних дел Ежов издал приказ №0047, по которому без суда и следствия были расстреляны сотни тысяч людей, а их тела закопаны в секретных захоронениях.

Приговоры выносили внесудебные органы — “тройки”. За одно заседание они “приговаривали” по 300—400 человек. Работы было так много, что зачастую против фамилий осужденных вместо “РАССТРЕЛЯТЬ” писали одну букву “Р” — чего расписывать, и так понятно.

Большой террор продолжался 15 месяцев. Масштабы его были чудовищными. У каждого советского гражданина имелся репрессированный родственник или знакомый, и вряд ли можно считать случайностью то, что в одной только нашей редакции сразу у трех сотрудников родные были расстреляны приблизительно в одно и то же время в одном и том же месте.

Мой прадед по маминой линии был арестован в 30-м году за вредительство в военной промышленности. Получил десять лет, отбывал срок на Беломорканале — строил Гуломскую ГЭС. В 38-м от него перестали приходить письма. Его жене, Анне Дмитриевне, моей прабабушке, сказали, что ему дали еще десять лет без права переписки. Потом началась война. Анна Дмитриевна с внучкой — моей мамой, которой тогда было лет восемь, — уехали в эвакуацию в Узбекистан.

Вернулись в Москву в конце 43-го, и Анна Дмитриевна в первый же день побежала узнавать, что с мужем. Ей сказали, он умер от инфаркта. Где похоронен? Неизвестно. Где-то там, на Беломорканале.

В 57-м прадед был реабилитирован, выдана соответствующая справка, но где могила, так никто и не сказал. Только в начале 90-х, когда пошла волна разоблачений сталинских репрессий, мы поняли, что никакого инфаркта не было. Прадеда попросту расстреляли, и нам, видно, никогда уже не узнать, кто его приговорил, кто привел приговор в исполнение и где покоится его прах.

Перед майскими праздниками я вспомнила эту нашу семейную историю и, ни на что не надеясь, набрала имя прадеда в поисковике Интернета. Вдруг — чудо! На экране появилась отсылка. Февральская статья в петрозаводской газете “Карелия” — “Расстрелянные и забытые”. В списке офицеров, расстрелянных в окрестностях Медвежьегорска, приведена его фамилия: “Юркевич Николай Степанович, 1875 г.р., русский, дворянин, уроженец г. Вильно, окончил Артиллерийскую академию, полковник, и.о. директора Шосткинского порохового завода. Осужден по делу Промпартии. Расстрелян 4 декабря 1937 г.”

Я созвонилась с автором статьи — петрозаводским журналистом Сергеем Лапшовым. Он направил меня к правдоискателю Юрию Алексеевичу Дмитриеву, посвятившему почти двадцать лет жизни поискам захоронений жертв репрессий на территории Карелии, установлению имен и обстоятельств смерти. Спустя несколько дней я была в Петрозаводске, и прямо с поезда мы с Дмитриевым отправились в Медвежьегорск — в Сандармох, где был расстрелян прадед.

Хотя нет. Не прямо с поезда. Сначала мы заехали в местное управление ФСБ — в архив, где хранятся дела реабилитированных. Мне хотелось посмотреть дело Юркевича. Кроме того, меня интересовали еще несколько офицеров из списка, фамилии которых показались знакомыми.

В архиве УФСБ по Карелии любезно объяснили, что выполнить мои пожелания не представляется возможным.

Да, в 92-м году вышел указ президента Ельцина “О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека”. Соответственно, с 92-го года дела реабилитированных были открыты для родственников, журналистов и исследователей. По идее, сейчас их уже должны были передать из архива ФСБ в Госархив. Но год назад, в июле 2006-го, министр культуры Соколов, министр внутренних дел Нургалиев и директор ФСБ Патрушев издали новый совместный приказ

о порядке доступа к делам реабилитированных. По этому приказу дела теперь могут читать только прямые родственники, доказавшие многочисленными справками свое родство и предъявившие документ о смерти реабилитированного.

Не полный запрет, но резкое сужение круга допущенных. Чем оно вызвано? Очевидно, нынешние власти считают, что не стоит терять тему репрессий. Она не в лучшем свете выставляет прошлое госбезопасности, поэтому вредна для патриотического воспитания.

Приказ №0047

В соответствии с приказом №0047 с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях была начата “операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников”.

В каждой республике (области) действовала своя “тройка”, в которую входили начальник НКВД, секретарь республиканского комитета партии и прокурор.

Все антисоветские элементы разбивались на две категории: 1) наиболее враждебные; и 2) менее активные, но тоже враждебные. Первая категория подлежала немедленному аресту и по рассмотрении их дел на “тройках” — расстрелу. Вторая — заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет.

Для регионов вводились лимиты — сколько народу должно быть репрессировано по каждой категории. По ходу дела эти лимиты были сильно превышены. Для Карелии, например, первоначально определялся лимит в 1000 человек плюс отдельный лимит имел Белбалтлагерь — 800 человек. Всего 1800. Однако в процессе работы эта цифра выросла почти на порядок — было репрессировано около 15 тысяч человек (12700 — расстрел, 2200 — лишение свободы).

Операция планировалась на четыре месяца, но растянулась на пятнадцать. По указанию НКВД СССР “тройки” прекратили рассматривать дела лишь в апреле 1938 года. В Карелии они работали дольше — до середины ноября.

Приговоры приводились в исполнение “с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение”. Выписки из расстрельных актов приобщались в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

Как искали Сандармох

Место расстрела знали только его исполнители. Даже в расстрельных актах оно указывалось приблизительно: приговор приведен в исполнение в районе станции Сегежа, либо на Водоразделе, либо в окрестностях Медвежьегорска. А где конкретно — тайна, ушедшая вместе с палачами, которые тоже были расстреляны спустя несколько лет или к концу 90-х уже умерли. А даже если не умерли — кто же признается, что был палачом...

В 97-м группа питерского “Мемориала” искала в районе Медвежьегорска место расстрела Соловецкого этапа. Было известно, что тысячу сто заключенных в 37-м увезли расстреливать на материк по причине невозможности

соблюсти на Соловках конспирацию столь массовой казни.

В это же время в этих же местах поисками захоронения заключенных Белбалтлага занимался Юрий Дмитриев. В марте 97-го он познакомился с мемориальцами, а в июле, объединив усилия, они выехали в совместную экспедицию. Поиски велись в лесу на 19-м километре шоссе Медвежьегорск—Повенец. Недалеко от дороги там есть песчаный карьер, и ходили слухи, будто кто-то когда-то слышал оттуда выстрелы и вроде находили кости. Дмитриев, однако, счел карьер бесперспективным. Пока питерские мемориальцы его размечали, он вместе со старлеем, командовавшим солдатиками-землекопами, пошел по старой заросшей дорожке в глубь леса.

“В архивных делах я читал, что расстрелы должны были производиться в 10 км от населенного пункта, — рассказывает Дмитриев, — и так, чтоб не было слышно выстрелов с дороги, не видно света от костра и фар, поскольку расстреливали в основном ночью. И вот мы идем, беседуем, и я про себя прикидываю, где бы я выбрал такое место. Прошли одну горочку, вторую — нет, здесь рано, выстрелы еще будут слышны на шоссе. Спустились под третью. Я только подумал, вот подходящее место, и тут же заметил в земле провал правильной формы. Квадрат примерно два метра на два. Оглянулся — еще один провал, еще, еще.

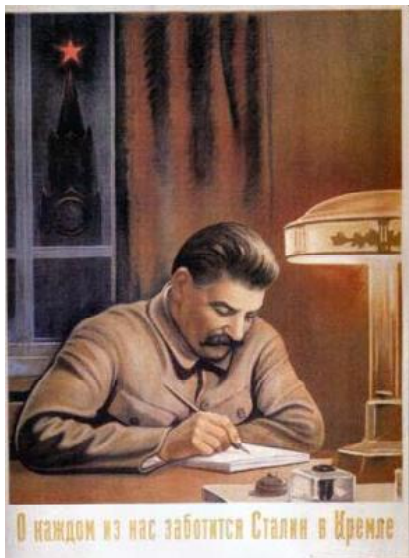
Мы вернулись к карьеру, взяли солдатиков, и через полтора часа я держал в руках первый череп с характерным отверстием в затылке.

На следующий день вместе с нами приехали работники прокуратуры. Вскрыли еще пару ямок. Прокуратура провела комплексную проверку (трассологические экспертизы, изучение вещдоков из ям, которые мы раскрывали, документов из архивов ФСБ), которая подтвердила, что это расстрелы 37—38-х годов.

Захоронение надо было как-то назвать. На карте ближайший топоним — Сандармох. Так называется болото, расположенное неподалеку, поэтому урочище тоже называли — Сандармох”.

Очень большое кладбище

Когда Ельцин отдыхал в Шуйской Чупе — не так далеко от Медвежьегорска, — правозащитники приглашали его в Сандармох. Он не приехал. Но местные власти на всякий случай проложили дорогу в глубь леса и залили асфальтом большую площадку перед памятником с красноречивой надписью: “Люди, не убивайте друг друга”.

В остальном здесь все осталось как было. Частые сосны, а между ними углубления в земле одинаковой геометрической формы. Тела со временем разложились, поэтому почва просела здесь сантиметров на двадцать. Их очень хорошо заметно, эти углубления. Оглядываешься — и везде их видишь. Мы долго ходили, но так и не дошли до края, где они заканчиваются.

Это действительно большое кладбище. Очень большое.

Возле некоторых ямок врыты деревянные кресты. Только богу известно, кто в какой ямке похоронен, но родственники, приезжая сюда, прибывают на кресты таблички с фамилиями, портретами, годами жизни. Их прибывают на кресты и на сосны.

Все это совершенно не похоже на кладбище. На кладбище никогда не бывает так, чтоб надгробные таблички были прибиты к деревьям.

... В Сандармохе мы встретили директора краеведческого музея Медвежьегорска Сергея Колтырина. Он приехал со школьниками — прибираться. В часовенке ребята затягивали окошко пленкой. Вставлять стекло — нет смысла. Сторожка нет, так что разобьют обязательно. Хотя брать в часовенке нечего — из имущества здесь одна икона да толстая поминальная книга, где перечислены те, чьи жизни оборваны в Сандармохе.

... Андерсон Николай Христофорович, полковник царской армии, комендант Читы; Андроников Яссе Николаевич, князь; Аполлонский Никита Романович, артист драмы; Берс Александр Андреевич, сын генерала; Бобришев-Пушкин Александр Владимирович, потомственный дворянин; Вачнадзе Георгий Абрамович, князь, капитан царской армии; Гельмерсен Василий Васильевич, начальник личной библиотеки царя Николая II; Голембиовский Здислав Анатольевич, из дворян...

Все здесь, в этих ямках. И прадед мой тоже где-то здесь.

“И не заметишь, как будем вместе”

Он был военным инженером, специальность — технология взрывчатых веществ. Участвовал в Цусимском сражении. К счастью, оказался на том корабле, что уцелел. Прабабушка плыла за ним в обозе, узнала о разгроме в Индии. Неизвестно было, что с мужем, жив ли, где искать. Они встретились только спустя несколько месяцев в Порт-Артуре, потом уехали в Харбин, какое-то время жили там. Она уже была беременна моим дедом, которого назвали Владимиром. Дед Вова, неунывающий романтик. Я помню, как он, смеясь, говорил, что был в Индии и Китае. На самом-то деле он не мог ездить за границу. Сын врага народа. Он ничего не мог, какая там заграница...

По возвращении в Россию прадед занял должность директора Шосткинского порохового завода, работал увлеченно, даже дома держал опытные образцы, и десятилетний Вова вместе с приятелем однажды вытащили у него из письменного стола гранату и взорвали на задворках. Приятель уцелел. А деду оторвало кисть левой руки и разворотило живот. Шел 17-й год, революция, но как только Вова немножко поправился, прабабушка двинулась с ним в Крым, потому что там, в госпитале, лежал больной тифом старший сын Коля, выпускник кадетского корпуса, и по дороге все посты — красных, белых, зеленых — заставляли разбинтовывать Вову, поскольку были уверены: там драгоценности.

Коля поправился, уплыл в Турцию с волной белой эмиграции, добрался до Чехословакии и там остался. А прабабушка с Вовой поехали обратно — к Николаю Степановичу, который был уже в Москве, поскольку в марте 1918-го Шостку заняли немцы. При советской власти он работал председателем правления Владимирского порохового завода, потом старшим инженером в главном управлении Военпрома. После ареста в 30-м году сидел в Бутырке, спустя два года его этапировали в Карелию — в новый гигантский лагерь, учрежденный специально для строительства Беломорканала.

Остались письма от него. На всех конвертах печать “проверено цензурой”. На внутренней стороне треугольников, которые заклеивают конверт, надпись: “от Николая Степановича Юркевича, числящегося за Московским ОГПУ, камера 1, кор. 2”.

Вот одно из последних писем, отправленное в апреле 37-го года уже из Сегежского лагеря.

“Дорогая Аня! Получил твое письмо еще в конце февраля. Рад за Вову, что не болеет, видимо, правы те врачи, что против операции. Здесь я уже освоился с новой работой. Большинство работников Туломы перешло сюда, на Сегежстрой. Так как наша Туломская стройка прошла с успехом, то считают, что и тут мы внесем оживление в работах, и это налагает на нас усиленное внимание к работе. Работа здесь также интересная и дает большую практику стройки другого характера, чем Туломская. Ты пишешь о приезде, но сейчас здесь еще меньше свободного времени, чем на Туломе. Но в мае рассчитываю на возможность устроиться так, чтоб ты могла приезжать на любой срок и в помещение более удобное. Время за работой проходит так быстро, что и не заметишь, как будем вместе. Здесь уже морозы прошли и начало таять; сравнительно с Туломой здесь заметно теплее. Теперь буду ждать твоего письма, всем кланяюсь. Целую тебя, твой Коля. Адрес тот же”.

До конца срока ему оставалось три года. Через восемь месяцев его расстреляли.

Прабабушка Анна Дмитриевна этого не знала. Каждую весну она доставала из чемодана его костюм, чтобы почистить, и плакала.

В протоколах заседаний “тройки” вкратце объясняется по каждому осужденному — почему его нужно убить. Необходимость расстрелять моего прадеда мотивируется так: “Отбывая срок в ББЛАГе, систематически проводил к/р агитацию террористического характера в отношении вождей ВКП(б) и Соввласти. Распространял к/р характера клевету о Сталинской Конституции, говорил: “Назначение новой Конституции — агитация за границу. Большевики хотят показать, что в СССР демократия, а на самом деле ее нет, как был раньше террор, так он и есть, и останется. Эта Конституция одно очковитательство”. Лагадминистрацией охарактеризован отрицательно”.

На полях размашистая буква “Р”. Если человеку не нравится наша власть и наша конституция, его необходимо убить.

Похожие аргументы приводятся в протоколах “тройки” по каждому осужденному.

“Братцы, что вы делаете!”

Сохранившиеся документы суда и показания свидетелей дают ясное представление о том, как проводились расстрелы. Заключенного вызывали в комнату изолятора, где происходила процедура “сверки дела с личностью”, им связывали руки и уводили в соседнюю комнату, где срывали одежду и вязали ноги. А затем их волоком тащили в накопитель. К вечеру набиралась очередная партия приговоренных.

К месту расстрела везли в грузовиках. Машины часто ломались, приходилось стоять на дороге чиниться. Заключенные начинали кричать: “Нас везут расстреливать!” Их били березовыми палками-колотушками. Придумал их питерский чекист Матвеев. А еще была металлическая трость — на одном конце молоток, на другом острие. Острием оперсостав протыкал людей, а молотком разбивал головы, причем, как утверждали на суде свидетели, делалось это с большим азартом. По словам одного из них, в январе 38-го некий заключенный закричал: “Братцы, что вы делаете!” - когда ему стали связывать руки. Бондаренко тогда несколько раз ударил его по голове револьвером, потом схватил шкворень и сразу убил. Труп вынесли в уборную, надели удавку на шею и привязали к ручке двери.

Над беспомощными людьми, находившимися полностью в их власти, они издевались как хотели. Расстреляли беременную на шестом месяце заключенную Орловскую, хотя беременных расстреливать было запрещено. Вывели на аркане, посадили в машину и увезли в лес.

Сто пятьдесят заключенных возвращались с работы, шли сдавать инструменты. Их остановили, оформили побег. Расстреляли...

Пружина страха

Историческая наука до сих пор не может внятно объяснить, почему была начата “операция по репрессированию” и уж тем более почему она закончилась. Не было никакой государственной необходимости в массовом порядке уничтожать людей. Объективно говоря, это была чистая паранойя. Но вожь приказал — и все пошло. Коллективное умопомрачение. Братцы, что вы делаете?

70 лет назад страной правили страх и подлость. Лет двадцать назад стало можно говорить об этом вслух. Были открыты архивы, изданы воспоминания, где подробно и откровенно рассказывалось, как все было.

Но только рассказывать — недостаточное. Надо еще было сделать так, чтоб подобное не могло повториться. Создать механизм, гарантирующий людям право на объективное расследование и справедливый суд. Такой механизм создан не был. У нас и сейчас нет независимого, неподкупного суда и независимой, неподкупной прокуратуры, и если, не дай бог, у власти снова случится паранойя, мы окажемся такими же беззащитными, как в 37-м.

Надеяться, что за постсоветские годы люди стали более свободными и мыслят самостоятельно, не приходится. Милиционеры, искавшие в школах детей с грузинскими фамилиями, и энергичная молодежь, устроившая шашаб у эстонского посольства, — лучшие доказательства тому, что люди не изменились. Вожь приказал — и все пошло. И никто не сказал: а почему я, собственно, должен прыгать по приказу сверху — того укуси, этого укуси?

Вот и следователи НКВД в 37-м тоже ни о чем таком не думали, когда фабриковали расстрельные дела.

В соответствующих условиях пружина страха и сейчас развернется в один момент. Так что Сандармох совсем не так далеко от нас, как кажется.

* * *

По данным Юрия Дмитриева, в Сандармохе покоятся от 7 до 9 тысяч человек 60 национальностей и 9 религиозных конфессий. Среди них 2749 русских, 800 финнов, 739 карелов, 677 украинцев, 253 поляка, 219 немцев, 194 еврея, 130 белорусов, 53 татарина, 43 эстонца, 34 латыша...

“Здесь должно быть уникальное мемориальное кладбище, — уверен Дмитриев. — Не какое-то мемориально-формально-казенное — “не топтать, не рвать, не трогать”, а нечто большее. Общечеловеческое кладбище жертв репрессий. И пусть здесь будут таблички на деревьях, и надгробные плиты родных, и памятные знаки всем сословиям, конфессиям и национальностям”.

В Сандармохе уже стоит православная часовня и католический крест. Установили свои памятные знаки мусульмане, иудеи. Стоит массивный Козацкий крест, поставленный украинцами. В этом году свою лепту внесут грузины, армяне, поляки, эстонцы. Можно и нужно установить памятник дворянству — ведь их расстреливали, чтоб вымести все их племя. Могут и должны быть установлены памятные знаки священникам и пострадавшим за веру. Офицерам - их здесь несколько сотен, тоже непременно нужно установить памятный знак. Они остались верны присяге и Отечеству. И за это мы их уважаем — и белых, и красных. И пусть памятник им будет единым — Офицерам России.

... Сюда приезжают люди и ходят между бесконечных расстрельных ям, и своими глазами видят, что это было такое — Большой террор.

Для патриотического воспитания гораздо полезнее показывать правду, чем прятать фамилии фальсификаторов “липовых” дел и садистов-палачей. Не надо закрывать дела реабилитированных. Они были хорошими людьми, которым досталась страшная смерть. Их надо не прятать, а, наоборот, помянуть и помнить. Помнить, любить и гордиться.

Ю. Калинина, газета “Московский комсомолец”,
7 июня 2007 года

Миллионы людей как сквозь землю провалились, исчезли, даже след их сгнил и память о них потеряна, будто никогда их не было. Ищите, ищите их на колымских серпантинах, в забоях, под сопками Мальдяка, Теньки, «Тайтесного», «Нечаянного», «Золотистого»... Ищите по всей трассе - обратно этой трассой редко кто возвращался. Ищите в сопках и распадках Магадана, Атки, Оругукана, Сеймчана, Суумана. Ищите на берегах таежных речек, в тайге колымской, в тайге индигирской, в бесконечной тундре... Где только ни покоятся товарищи наши! Нетленные, они века будут лежать в ледяных гробницах.

... Я видел много концентрационных лагерей. И старых, и новых. В одном из них сам провел несколько лет...
... Назывался этот лагерь «БУТУГЫЧАГ», что в переводе с языка российских северных народностей значит «ДОЛИНА СМЕРТИ»...

Не жди, выжить невозможно...

ГУЛАГ: воспоминания о будущем?

"Переступил порог, -- дети. Огромное количество детей до 6 лет. В маленьких телогреечках, в маленьких ватных брючках. И номера -- на спине и на груди. Как у заключенных. Это номера их матерей. Они привыкли видеть возле себя только женщин, но слышали, что есть папы, мужчины. И вот подбежали ко мне, голосят: "Папа, папочка". Это самое страшное -- когда дети с номерами. А на бараках: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство"..."

Из воспоминаний калмыцкого поэта Давида Кугультинова

Последнюю весточку от отца мама получила в конце июня -- начале июля 1941 года. Насколько я теперь понимаю, отправлена она была с прииска "17-го". Это была телеграмма со словами: "Не жди, выжить невозможно".

Послание из ада

"На Колыме начался и закончился мор старой русской интеллигенции. В забоях с кайлом и тачкой, в стуже барачков, при жидкой баланде, умирали престарелые профессора, врачи, инженеры, писатели, артисты. Буквально за неделю погиб профессор Кох -- хирург из Одессы, виртуозно владевший своим искусством. Сам-то я был молод, но как выжил, до сих пор не могу понять. Ведь у меня все было: обмороженные лицо и руки к концу промывочного сезона... покрытые геморрагической сыпью, ноги в цинготных язвах становились как бревна. На второй ярус нар я уже не мог взгромоздиться без помощи товарищей. Все было - как у всех. На командировке (небольшой лагерь на прииске), где размещалось 700 человек, в день появлялось 2-3 трупа. Лагерь вымирал за 2 года. А я вот выжил. Не отвалился у меня нос. Не съела черная гангрена отмороженные пальцы. До сих пор целы некоторые зубы. Товарищи без боли вынимали их из челюстей пальцами..."

Анатолий Жигулин

Дорога смерти

"В лагере, куда я попала десятилетней девочкой, находились одни женщины с малолетними детьми. Матери работали на лесоповале, а мы потихоньку умирали от голода, холода и непосильного труда. Лежали мертвые и матери, а рядом с ними на нарах ютились дети. Изредка собирали трупы и увозили..."

М.И. Коломиец, г. Симферополь

*По материалам сайта "ГУЛАГ"
www.gulag.ipvnews.org*

* * *

Здесь нет цветов и нет родных берез,
Сто тысяч раз поэтами воспетых,
Зато есть тундра, вьюги и мороз
И сонм людей, голодных и раздетых.

Здесь есть простор для тюрем и для вьюг,
А для людей нет света и простора,
И жизнь за этот заполярный круг
В цветах и счастье явится нескоро.

Здесь солнце светит только иногда.
Свисает ночь над тундрой омраченной.
В ночи холодной строит города
Бесправный раб - советский заключенный.

Отсюда каждый мыслит, как уйти,
И воли ждет, как розового чуда...
Сюда ведут широкие пути
И очень узкие - отсюда.

1955 г. Валентин Соколов, 35 лет заключения

«И в колонках газет официальных Нет моих орущих стихов»

Валентин З/К

Фотоснимки из тюремного архива (1958 год)

«Слово священника Георгия Кочеткова на литии после утрени 7 ноября 2007 года»: «...Мы не можем не вспомнить, что сегодня 90 лет со дня начала кровавой бойни на нашей земле — этого холокоста, геноцида, который перевернул эту землю, почти уничтожив ее, перевернул и почти убил весь народ, который принес неисчислимые страдания людям, спровоцировал бесчисленные, бесконечные, непрекращающиеся войны, который принес страдания окружающим странам и народам, потому что они тоже пострадали очень сильно в большом числе от этого террора, от этого ужаса, который заполнил землю...».

Интересно, кто из тех, кто говорит сегодня о необходимости и целесообразности жертв, готов реально ответить (жизнью своей!) за пролитую кровь, не их кровь?

Кто и чем ответит за загубленную жизнь Валентина Петровича Соколова, 1927 года рождения, уроженца г. Лихославля Тверской области, сына агронома?

...Получив среднее образование, в 1944 году Валентин поступил в Московский институт стали и сплавов. Время спустя, по ряду обстоятельств, оставил вуз и пошел в армию. Там его и арестовали — в 1947-м. Арестовали за искренние стихи о бесчеловечном режиме и за отказ идти на выборы. В 1948-м Военный трибунал Московского гарнизона приговорил солдата срочной службы Соколова к лишению свободы на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет (ст.ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР).

На этом закончилась условно-свободная жизнь Валентина и начались десятилетия этапов, тюрем, пересылок, спецпсихбольниц...

«...Мы противопоставлены/ На грани дня и тьмы./С одной стороны — Сталины,/С другой стороны — мы».

Оборвался его «этап» в 1982-м, 7 ноября. Поэт и шахтер Соколов Валентин Петрович умер от инфаркта в психиатрической больнице, куда его перевели из тюрьмы (вместо положенного освобождения) за то, что, после десятков лет издевательств, украденной жизни, требовал принять заявление об отказе от советского гражданства. Ему было 55 лет.

На его долю достался весь «стандартный набор» преимуществ коммунистического правления и «коммунистического воспитания».

Как поэта под псевдонимом Валентин З/К его знали по всей стране, от востока до запада, в бесчисленных лагерях и на воле. Его бесстрашие, его мысли, его тонкая поэтическая натура притягивали, ободряли товарищей по несчастью; они выносили на волю его стихи, рассказывали о нем как о легенде, писали о нем воспоминания.

Власть, сокращавшая все самостоятельно мыслящее, державшая миллионы в страхе репрессий, сделавшая целые поколения людей инфантильными, зависимыми от воли партийно-государственного аппарата как от наркотика, — эта самая власть боялась безоружного Валентина. Потому и упрятивала его в Инту, в Дубровлаг и так далее, прессывала голодом, тяжким шахтерским трудом... А он ей в ответ:

«Я не пойду теперь на волю вашу./Мне ваша воля больше не нужна./Уж если пить страданий горьких чашу,/Так пить ее, не седуя, до дна...».

Есть какой-то потаенный смысл в избранном поэтом псевдониме Валентин З/К. Зэка — это... общая фамилия миллионов людей, загнанных в «исправительно-трудовые» лагеря, лишенных свободы. Сохранить же в невыносимых условиях унижений, голода, тяжелой работы свободу внутреннюю, как мы теперь знаем, редко кому удавалось. Неудивительно, что именно он, пройдя через немислимые страдания, мог написать:

«...Я доволен тем, что видел,/Хоть немало было стен,/Но они мне не мешали/Видеть небо...».

Небо не мешали видеть! Понимаете?!

Где-то у людей есть День святого Валентина, а нам, россиянам, более подошел бы День Валентина Зэка или и вовсе — День святого Зэка. Человек сохранил Лицо, сохранил Душу (а что может быть важнее?) и подал надежду и пример более слабым. И в этом была и остается его роль в истории. Он так ее и понимал, видимо, в сложившихся обстоятельствах:

«И советам буду вреден/Даже тем, что существую./Даже тем, что, худ и бледен,/Я пою и торжествую!».

Можно только удивляться, что поэт-каторжанин, обреченный провести жизнь за колючей проволокой, не отождествлял «родину» с «властью»:

«...Я родины сын/И это мой сан...».

Говоря от имени многих узников совести, заключенный поэт не впадал в сентиментальность и не испытывал оптимизма насчет скорых перемен на родине:

«...А век грядущий, двадцать первый,/Сквозь чад гульбы и табака,/Нам рисовался пьяной стервой,/Идушей в ночь из бардака».

P.S. Выходили три книги стихов В.П. Соколова: в 1994-м и 1999-м.

В этом огромная заслуга А.Я. Истогиной, скончавшейся летом 2007 года. Человек редкостной силы духа, нравственности, света, она долгие годы собирала по крупицам все о Валентине Соколове и принадлежащее его перу. Александра Яковлевна завешала свой архив по Соколову мне. Сейчас в издательстве «Фонд Сергея Дубова» готовится книга поэта и о поэте в серии «Народный архив. Век XX. Противостояние: Человек — Система».

Стихи Валентина Соколова

О, как рукоплещут диктатору!
Родной наш, любимый наш
Сталин...
Ни одному императору
Так не рукоплескали.
И не один из царяющих
В нынешнем веке и в прошлом
Столько не видел целующих
Царственные подошвы.
(*Без даты*)

Я бы тоже мог на воле
Быть врачом, быть инженером
И в такой солидной роли
Для других служить примером.
Мной тогда бы мать гордилась:
«Сын партиец, сын в почете»...
Может быть, и сердце б билось
Страстью пламенной к работе.
Только нет, не нужно это,
Жизнь прожить хочу я честно.
Мне и в лагере не тесно,
И в тюрьме хватает света.
Я солдат, и не в обозах
Мне идти навстречу бурям.
Я — поэт советских тюрем —
Не могу писать о розах.
Я приветствую восстание.
Враг застоя, враг упадка,
Враг советского порядка,
Я приветствую восстание!
Так поэт — всегда образец
Красоты нестройным толпам.
Я пройду по сонным ОЛПам*
Как бунтующий отказчик.
И советам буду вреден
Даже тем, что существуют,
Даже тем, что, худ и бледен, —
Я пою и торжествую!
1954

* ОЛП — отдельный лагерный пункт

Я рожден страдать и биться
Против злых и темных сил.
Я рожден свободной птицей
С блеском глаз и ширью крыл.
И хотя на крыльях цепи
И душа в стальных цепях,
Я пройду сквозь рвы и крепички,
Через тюрьмы, боль и страх.
Пусть на спину грузно ляжет
Черный номер — знак раба,
Пусть мне руки сзади свяжет
Каторжанская судьба,
Я рожден свободной птицей
С блеском глаз и ширью крыл.
Я рожден страдать и биться
Против злых и темных сил!
1954. Аяч-Ява/З л/о

Я не пойду теперь на волю вашу.
Мне ваша воля больше не нужна.
Уж если пить страданий горьких чашу,
Так пить ее, не сгугая, до дна...
1954

Вот оно, обыденное счастье —
Только стоит перейти порог
И, упав к ногам презренной
власти,
Целовать ступни их грязных ног.
Стать, как все, — подстриженным
и
серым,
Растолстеть, женой обзавестись
И в хвосте у времени плестись
Подлецом и жалким лицемером.
Вот оно — обыденное счастье!
Только стоит прейти порог,
Только стоит смять, порвать
на части
Злую правду этих гневных строк...
1954. 3 л/о

Это было даже очень просто:
Нас по плану гнали в пасть
тюрьмы,
И страна своим заметным ростом
Удивляла жалкие умы.
Шли этапы. В тюрьмах
пересыльных
Бушевал людской девятый вал.
Слабый мир, покорный воле
сильных,
Жизнь свою неволе отдавал.
Шли этапы Севером морозным,
Шли тайгой, бескрайней тундрой
шли
И виденьем сумрачным и
грозным
Оживляли древний лик земли.
И за ними города вставали
С ширью улиц, с тайнами
квартир...
Так Советы, партия и Сталин
На глазах «преображали мир».
1955. 3 л/о

Я у времени привратник,
Я, одетый в черный ватник,
Буду длиться, длиться, длиться
Без конца
За вас молиться,
Не имеющих лица.
1960-е

Я родины сын,
И это мой сан,
А все остальное — сон.
Весом арестант во мне,
Живет в моей стране.

Всегда от голода пучит.
А сердце скачет, стучит и хочет
Того, что молодо.
В небеса
Колесом
Катиться моей стране —
Дьявольской колеснице.

<..>

Арестант политический,
Служу ножу и тачке,
Не очень запачканный,
Стихи свои слагаю
И ругаю —
Зэк из домзака —
Звяканье оков,
Большевиков лики правящих,
И в колонках газет официальных
Нет моих орущих стихов.
Так я служу родине.
1960-е

Все хотят одного —
Лишить тебя знамени.
Убеждают: не надо,
Не надо бороться;
То ли дело в постели,
В театре, на кухне,
В гамаке, в ресторане,
В семейном уюте.
Ты им нужен затем,
Чтоб умножить число их.
Заслонить их от Бога,
Которого чувствую
И боюсь: в постели,
В театре, на кухне,
В гамаке, в ресторане,
В семейном уюте...
Но когда ты в лицо им
Бросаешь насмешку
И уходишь, свободный,
Красивый и сильный,
Каково им в постели,
В театре, на кухне
Знать, что есть еще люди,
Влюбленные в небо?
1962

Маргарита Федотова
25.01.2008 «Новая газета»

Холодно
на чьих порогах снегах
Голоду лютать,
Голоду злеться
У времени полевничкой.
Холодно
на рвух талых-кипящих
Кучей.
Холодно
И мучиво
Кем-то в малях ежовых
Души каторжанов лев.
А каторжанов, каторжанов,
Посвященный по лубкам тел.
Холодно
Может быть! мессажи
с оных лубков в конях
Земляки — в земляки
по фразам рвуху ситых.
Холодно.

1965г

Ленин о Сталине

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич Ленин писал:

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью".

Это письмо - важнейший политический документ, известный в истории партии как "Завещание" Ленина. Он был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Ленин в «Завещании» писал:

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д."

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью", - говорит далее Ленин.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников" была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что "по мере нашего продвижения вперед к социализму" классовая борьба должна якобы всё более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни.

Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

"Террор был навязан терроризмом Антанты, когда всемирно могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было связано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, ещё до окончания войны, тогчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле".

Усилению репрессивных действий во многом способствовали события, произошедшие на XVII съезде партии, вошедшем в ее историю официально как "съезд расстрелянных". Действительно, факты свидетельствуют о том, что из 1961 делегата съезда репрессиям было подвергнуто 1108, а из 139 членов ЦК, избранных на съезде, - 98. Главной причиной этих репрессий, которые были организованы Сталиным, явилось разочарование в нем как в Генеральном Секретаре ЦК ВКП (б) определенной части партийных работников и коммунистов. Они осуждали его за организацию насильственной коллективизации, вызванный ею голод, немислимые темпы индустриализации, вызвавшие многочисленные жертвы.

Недовольство это нашло выражение при голосовании за список Центрального Комитета. 270 делегатов выразили в своих бюллетенях вотум недоверия "вождю всех времен и народов". Более того, они предложили С. М. Кирову пост Генерального Секретаря, который, понимая всю тщетность и опасность их усилий, предложения не принял. Однако это Кирову не помогло: 1 декабря 1934г., как уже говорилось, он был убит. И тогда многим, особенно в Ленинграде, было понятно, кто истинный убийца Кирова.

Сталин жестоко мстил за то, что он оказался кому-то неугоден. Организовав убийство Кирова, использовал его для насаждения страха в стране, для расправы с остатками ранее разгромленной оппозиции" новыми ее проявлениями. В марте 1935 г. был принят Закон о наказании членов семей изменников Родины, а через месяц Указ о привлечении к уголовной ответственности детей 12-летнего возраста.

Миллионы людей, подавляющее большинство которых не являлись виновными, оказались за проволокой и стенами ГУЛАГа. Архивные материалы, опубликование которых ведется с начала 90х годов, помогут в конечном итоге назвать точную цифру сталинских репрессий.

Дети и вурдалак

25.08.2006 09:14

“Все лучшее — детям!” — сказал в одной из речей товарищ Сталин. Одни эти слова поняли так, что именно детям нужно отдать лучшие дворцы культуры, бассейны и стадионы. А другие, которым подчинялась страна по имени ГУЛАГ, решили, что детям нужно отдать лучшие тюрьмы и самые добротные лагеря, с самой хорошей колючей проволокой.

Топор палача не разбирает, мужчина на плахе или женщина, старик или ребенок, — он рубил.

Передо мной два дела, извлеченных из архива НКВД. Две искалеченные жизни, две судьбы наивных, доверчивых и светлых детей той мрачной и жестокой эпохи.

“Вы пьете кровь всего народа”

Итак, дело №240071 по обвинению Храбровой Анны Андреевны. Заведено оно 23 февраля 1936 года, и вменялась 16-летней девочке печально известная 58-я статья, да еще пункт 10 — это контрреволюционная пропаганда.

Так что же за преступление совершила Аня Храброва, чем подорвала основы государства?

Ее преступление состояло в том, что она написала стихотворение. Вложила листочек в конверт и отправила по почте. Самому товарищу Сталину. “Прошу дать ответ по адресу: Москва, Можайский вал, 2-й тупик, дом 7, квартира №1”.

Ответ явился в образе сотрудника НКВД Смирнова, который предъявил ордер на обыск и арест, перевернул всю квартиру и доставил Аню в Бутырку.

А вот и сама мина, которая могла подорвать устои государства, — пожелтевшая страничка, вырванная из ученической тетради. Неровный детский почерк, фиолетовые чернила, масса грамматических ошибок... “Москва, Центральный Комитет СССР (так в тексте. — Б.С.), тов. Сталину.

ВОЖДЯМ НАШЕГО СОЮЗА

Весело в Союзе нашем.
Хорошо живется всем.
На словах мы все так красим
Всех измучили совсем.
У деревню заезжая,
Сердце ноет и болит,
Еще жизни всей не зная,
Голова уже трещит.
А зайдешь в какую хатку —
Только жалоба да стон:
Хлеба нет! Взяли лошадку!
Хоть собой корми ворон.
А налоги, боже милый,
Заживо во гроб кладут,
Потому народ все хилый
Последний скот у них возьмут.
На словах товарищ Сталин
Красит жизнь, что хоть куда,
Но на самом деле Каин
Не годится никуда.
Я не боюсь вашей угрозы,
Тюрьма меня не утратит,
В пути моей уж были грозы
Теперь лишь дождик покропит.
Хоть мало я жила на свете,
Но что за сердце у меня,
Оно обделало все на свете,
Мои прекрасные года.
Товарищ Сталин, что же дальше?
Вам хорошо, что вам до всех.
Пускай мужик умрет на пашне,
Пускай же кровь сойдет со всех.
Вы пьете кровь всего народа,
Когда ж напьетесь вы ее?
Когда же выяснет погода?
Когда ж просветит луч весне?
Пойду навстречу я народу,
С народом мыслю умереть,
Всегда готова я к походу
И следа вам уж не стереть”.

“О природе, о колхозе и о Красной Армии”

На первый допрос Аню вызвали в день ареста. Она отвечала, что отца почти не знает, так как с матерью он в разводе, мать же работает проводником на железной дороге, признается, что свободное время чаще всего проводит дома, много читает и с десятилетнего возраста пишет стихи. О природе, о колхозе и о Красной Армии.

— А писали ли вы стих к вождям?

— Да, я написала такой стих и послала его товарищу Сталину.

— Показывали ли вы его кому-нибудь? Помогал ли кто в обработке стиха?

Аня рассеяла в дым мечты следователя, заявив, что стихотворение написала сама, сама же его отправила.

— Какие причины побудили вас написать этот стих? — гнул свою линию следователь.

— В тот день у меня было очень плохое настроение. К тому же мама отругала меня за то, что я не убрала в комнате. На это я очень обиделась и села писать стих. Потом рассказала об этом маме и тете, они меня очень сильно ругали. После этого я поняла, что написала очень и очень плохое стихотворение.

Следователь задает еще один вопрос-ловушку:

— От кого вам приходилось слышать антисоветские разговоры на те темы, которые вы изложили в стихотворении?

Но Аня не так глупа, чтобы подставить кого-нибудь из знакомых:

— Когда я была в родной деревне, то слышала контрреволюционные выступления от гражданина другой деревни. Его забрали прямо на собрании, и я не знаю, где он теперь. Признаю, что это стихотворение по своему содержанию является антисоветским. Посылая его, я надеялась, что ошибки Сталиным будут исправлены, а именно его я считала виноватым в том, что у нас в колхозе некоторые люди живут плохо. Теперь я поняла, что это не так...

Аню на некоторое время оставили в покое и взялись за мать, тетку, учителей, подруг... Учитель русского языка заявил: “Если она написала такие стихи, то сочинила их не сама, а откуда-нибудь переписала. Могла найти на улице, могли подбросить в почтовый ящик. В газетах пишут, что враг не дремлет и искоренены еще не все троцкисты, а они на все способны”.

Ничего не дали и допросы матери. Но 2 апреля 1936 года старший майор государственной безопасности Радзивиловский утвердил обвинительное заключение. “Следственное дело по обвинению Храбровой А.А. по ст. 58 п. 10 УК РСФСР представить на рассмотрение Особого совещания, с одновременным перечислением за ним обвиняемой, которая содержится в Бугырском изоляторе”.

Следователи получили редкостную даже по тем временам выписку из протокола Особого совещания от 10 апреля 1936 года: “Храброву Анну Андреевну за контрреволюционную деятельность отдать под гласный надзор по месту жительства сроком на два года, считая срок со дня вынесения настоящего постановления”.

Как сложилась судьба Ани Храбровой в дальнейшем, никто не знает...

Бомба в кармане

С этой семьей Сталин и его клеветы боролись изобретательно, последовательно и безжалостно. Сперва на десять лет без права переписки посадили отца, Григория Мороза, потом на восемь — мать, следом на пять лет — старшего брата, а младших, Володю и Сашу, по спецнаряду НКВД отправили в детский дом в Куйбышевской области.

Москвич Володя Мороз прибыл туда в октябре 1937-го, когда ему еще не было пятнадцати лет. Самые сокровенные мысли не доверял никому, кроме дневника, который вел в форме неотправленных писем.

В детдоме процветало воровство. Однажды у нескольких ребят, в том числе и у Володи, украли брюки. Воспитатели, не поднимая шума, всем пострадавшим выдали новые штаны. Все обворованные этому очень обрадовались — все, кроме Володи. Он маялся, мучился, лазал по темным углам, пытаясь найти старые брюки.

Нашлись они совершенно неожиданно: одна из воспитательниц полезла зачем-то в печь — и наткнулась на ворованную одежду. Сунулась в карманы: у всех пусто, а в штанах Володи какие-то записки. Прочитала — и грохнулась в обморок!

Воспитательница, пионервожатая и директор передали письма Володи в НКВД. Мальчика, подозреваемого в контрреволюционной деятельности, посадили в Кузнецкую тюрьму. А лейтенант госбезопасности Тимофеев, который такое решение принял, прибавил в бумагах Володе целый год — арестовать несовершеннолетнего он не имел права.

— Что вас побудило писать эти контрреволюционные письма? — спросил Володю следователь.

Мальчик решил бросить в лицо палачам все, что о них думает.

— Враждебность и ненависть, которые я питаю к советской власти!

— С какого времени вы стали на этот путь?

— Со времени ареста отца и матери! — рубанул он. — Но еще больше я озлобился на советскую власть после ареста старшего брата.

Напуганные до смерти мальчики и девочки, с которыми Володя дружил, тут же от него отреклись и дали именно те показания, которых так ждал следователь.

Перед тем как направить дело в суд, следователи обратили внимание на собственную подтасовку с возрастом подследственного: такое дело в суде не примут. И тогда на помощь пришла заместитель областного прокурора по спецделам Кузнецова. Она попросила “прислать дело Мороз В.Г., так как преступление он совершил исключительно тяжелое, но по возрасту не может быть привлечен к судебной ответственности; вопрос нужно ставить лично перед Прокурором СССР”.

Поставили. И конечно же, разрешение получили. А потом появилось решение Особого совещания, в котором говорится: “Мороз В.Г. за контрреволюционную агитацию заключить в исправ-труд-лагерь сроком на 3 года”.

Так Володя оказался за воротами ГУЛАГа. А письма, что стало с письмами, которые он так и не отправил?

Они не пропали.

“Сталин — скверный ученик”

“Снова в голову настойчиво лезет: “В чем я еще виноват? За что меня послали сюда, в эту незаслуженную ссылку?” По-моему, для того, чтобы я окончательно отупел, чтобы не понимал происходящего, чтобы не мог бороться против несправедливости и лжи...

Вчера получил письмо от брата. Он сообщает, что А.В. и В.Г. вместе с А. последовали за мужьями. Ненасытные звери, вам мало жертв?! Уничтожайте, грабьте, убивайте, но помните, что час расплаты настанет”.

Ну и что, спросите вы, за это письмо, к тому же неотправленное, в тюрьму? Да, и за него тоже. Недаром тетрадные странички так тщательно подшиты к делу, недаром в марте 1940 года, когда мать Володи просила пересмотреть его дело, **один из самых страшных людей того времени, заместитель наркома внутренних дел Меркулов** лично начертал на просьбе: “Отказать ввиду озлобленной враждебности к руководителям ВКП(б) и Советского правительства”.

Но вернемся к письмам... Мне кажется, что главной причиной, побудившей Меркулова отказать матери Володи в пересмотре его дела, было второе письмо, написанное в декабре 1937-го.

“Лишь упорной и трудной работой в нашей стране отравляется молодость несчастных детей, и наоборот: подхалимство, ложь, клевета, склоки, сплетни и прочие дрязги процветают. А почему? Потому ли, что народ низок? Нет, потому, что низка кучка негодяев, держащая власть в своих руках. Если бы человек, заснувший летаргическим сном лет 12 назад, проснулся, он был бы просто поражен переменами, произошедшими за это время.

Старого руководства он бы не нашел. Он увидел бы в правительстве безусых глупцов, ничего не сделавших для победы революции, или пожилых негодяев, продавших товарищей за свое собственное благополучие...

Тысячи людей несчастны. Тысячи людей озлоблены сильно, до жуткости. И это озлобление прорвется и огромною волною смоев всю эту грязь и вонь. Счастье восторжествует!..

Ручаюсь, что, если бы Ленин был жив, он не допустил бы этого. А Сталин? Сталин, к несчастью, только ученик Ленина, к тому же скверный ученик.

Поразительно! Кучка сытых, наглых людей правит государством. Девяносто процентов населения — несчастные люди. Молчалинство, хлестаковщина и лицемерие процветают. Под видом общего прогресса скрывается упадок морализма (так в тексте. — Б.С.) в нашей стране. Очень хочется воскликнуть:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ?
И людьми, как скотами,
Долго ли будут торговать?!

Меня, собственно, заставили пойти по антисоветской дорожке. Может быть, все, что я описал, ложь. Но я вынужден смотреть на эти вещи с особой точки зрения, с точки зрения человека, ненавидящего существующие порядки.

Я, быть может, остался бы честным, работоспособным тружеником, если бы Сталин и Ежов, к которым я обращался за помощью, помогли мне. Но счастливый глух к добру”.

Володя Мороз, открытый, честный, смелый и искренний парень, ушел в мир иной 28 апреля 1938 года: он не выдержал ужасающих условий тюрьмы, заболел туберкулезом и умер на руках своих сокамерников.

На этом печальный рассказ о короткой жизни Володи Мороза можно было закончить, но я не могу не бросить камень, если так можно выразиться, в огород первых лиц руководства НКВД. **Помните резолюцию заместителя наркома внутренних дел Меркулова на просьбе матери Володи о пересмотре его дела?**

Давайте-ка сопоставим даты: Володя умер в апреле 1938-го, а заявление от его матери поступило в марте 1940-го. **Два года, почти два года, как мальчика нет на свете, а вурдалак, занимающий должность первого заместителя наркома внутренних дел, вместо того чтобы с сожалением сказать об этом матери, пишет изуверскую резолюцию с отказом о пересмотре дела покойника.**

Такие тогда были времена. Такие нравы. И такие (не)люди сидели в кабинетах с высокими потолками.

Борис Сопельняк, «Московский комсомолец», 21 августа 2006 г.

Молодежь мало знает о сталинской эпохе 88% опрошенных в возрасте 18—24 лет не смогли назвать ни одной фамилии жертв репрессий.

По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), приуроченного к 55-й годовщине смерти Иосифа Сталина, 88% опрошенных в возрасте 18—24 лет не смогли назвать ни одной фамилии жертв репрессий. В ходе опроса исследованы мнения 1,6 тыс. человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России.

Газета "Московский Комсомолец" № 24708 от 6 марта 2008 г.

Цифры мертвые и живые

Докладная записка

1 февраля 1954 г.

Секретарю ЦК КПСС
товарищу Хрущеву Н.С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюционные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с Вашим указанием о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем... за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к ВМН - 642.980 человек, к содержанию в лагерях и высылке - 765.180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2.900.000 человек - Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием, 877.000 человек - судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

... Следует отметить, что созданным на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года Особым совещанием при НКВД СССР, которое просуществовало до 1 сентября 1953 года, было осуждено 442.531 человек, в том числе к ВМН - 10.101 человек, к лишению свободы - 360.921, к ссылке и высылке (в пределах страны) - 67.539 человек и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) - 3.970 человек...

Генеральный прокурор
Министр внутренних дел
Министр юстиции

Р.Руденко
С.Круглов
К.Горшенин

Лица, подписавшие этот документ, достаточно известны: Р.Руденко как карманный прокурор ("Что прикажете?...") первого секретаря ЦК и С.Круглов как бериевский служака... В начале 1954-го, когда лубянские летописцы сочиняли эту докладную, партийные верхи еще не отошли от сталинского гипноза.

Прошло два года и, готовя свое выступление на XX съезде партии, Никита Хрущев запросил у КГБ данные о массовых репрессиях, грянувших после убийства Кирова. Председатель Комитета Александр Шелепин представил главе ЦК официальную справку, из которой следовало, что с декабря 1934 по 1941 было репрессировано 19 840 000 человек, из которых 7 миллионов казнено или погибло в тюрьмах. С этой справкой Никита Сергеевич ознакомил члена коллегии КПК О.Г.Шатуновскую и ответственного сотрудника аппарата А.И.Кузнецова. Последний показал копию справки помощнику Хрущева И.П.Алексахину, недавно реабилитированному узнику ГУЛАГа. Я был близко знаком с этими лицами, каждому из них та справка накрепко засела в памяти.

Однако огласить текст справки - а в ней были приведены данные по статьям УК и подробно по годам - Хрущеву на XX съезде не дали. Шло время, доступ к секретным архивам вновь закрылся, бесценные документы уходили на дно, многие исчезали навсегда - сразу же после снятия Хрущева с главного партийного поста (1964).

Согласно ленинско-сталинской доктрине строительство социализма, рост сознательности, расцвет науки и культуры плюс неуклонный подъем благосостояния народа, - все это способствует снижению уровня преступности. Вот почему в первые советские годы пенитенциарная статистика была гласной и данные о численности заключенных регулярно публиковали "Известия". Но очень скоро спохватились: число осужденных росло год от года, цифры оказались не в ладах с предназначениями. Пришлось статистику засекретить. На страже новой государственной тайны встал Главлит - один из самых авторитетных филиалов НКВД.

Жак Росси, автор "Справочника по ГУЛАГу", приводит характерную таблицу численности заключенных:

А. В царской России	в 1912 году	- 183 тыс. человек
Б. В СССР	в 1924	- 80 тыс.
	в 1927	- около 200 тыс.
	в 1937	- -"- 16 млн.
	в 40-х и 50-м	- 17-22 млн.
	в 70-м	- 3 млн. человек.

Росси не случайно выбрал, как точку отсчета, предвоенный период: 183 тысячи заключенных против 16 миллионов 1937 года - светлых дней торжества социализма...

По свидетельству бывшего сотрудника центральной картотеки ГУЛАГа, число заключенных составляло в конце 30-х годов около 16 миллионов. Эта цифра повторяется в данных Отдела общего снабжения (ООС), переименованного потом в Отдел интендантского снабжения (ОИС), о количестве пайкодач на период конца войны - те же 16 миллионов. Два пика.

Найти подтверждение у генералов тайной службы вряд ли кому удавалось. Связанные строжайшим запретом и круговой порукой, они прошли суровую школу молчания. Но иногда...

Незадолго до конца войны один из ближайших подручных Берия Богдан Кобулов, сидя за поздним ужином в тесном кругу сугубо "своих", обронил: "Сейчас в наших лагерях имеется более 11 миллионов заключенных" (свидетельство В.Лордкипанидзе).

Продолжим наши сопоставления.

Историк Михаил Геллер приводит данные, полученные известным австрийским физиком Александром Вайсбергом, арестованным в 1937 году в Харькове. Он сидел на Холодной Горе, в центральной тюрьме области. Все этапы в лагеря формировались именно там. Вайсберг с товарищами вели счет арестованным, сопоставляя с численностью населения. Харьков с областью - сравнительно большая статистическая единица. Но пытливые арестанты не удовлетворились этим. От заключенных, поступающих из других городов или лагерей, они узнавали, что простой метод подсчетов известен всюду. И всюду получали, примерно, те же результаты. Когда Вайсберг 20 февраля 1939 года ушел на этап, в его камере определили, что в Харькове и области арестовано за два года примерно 5,5% населения. К таким же результатам пришли в других местах: 5,5-6% населения. Приняв первую цифру, получили 9 миллионов по стране ("Русская Мысль", 1990, 15 июня").

Ознакомившись с этой публикацией, О.Г.Шатуновская вспомнила, как они на Колыме тем же методом получили по 38-му году более 10 миллионов репрессированных.

Совсем близко к этим цифрам подошла в своих исследованиях кандидат философских наук В.А.Чапликова: "В 1937-1950 годах в лагерях, занимавших огромные пространства, находилось 8-12 миллионов человек". Вычислив примерную смертность - 10%, Чапликова пришла к выводу, что за 14 лет в лагерях уничтожено 12 миллионов человек ("Нева", 1988, №10). Только смертность была иной...

Мало кто ныне оспаривает официальные данные о количестве мест заключения. На 22 мая 1939 года в стране насчитывалось 63 ИТЛ ("Союз", 1990, №8, с. 16). Здесь указаны лишь самые крупные концентрационные лагеря и группы лагерей. Общее же число лагерей, включая средние и мелкие, достигло перед войной 180. Кроме этого - 425 ИТК и около 50 колоний для несовершеннолетних. Зоны покрыли всю территорию - от Мончегорска до Камчатки. Было где разместить миллионы "вторых" - так, в отличие от "первых", то есть вольных, называли заключенных. Однако автор публикации, кандидат юридических наук А.Емелин утверждает, что общее число заключенных накануне войны составляло лишь 2,3 миллиона. Значительно меньшую цифру приводит старший научный сотрудник Института истории АН СССР В.Земсков. Оказывается, ему, ему единственному, стала доступна документация ГУЛАГа, и он поделился своей находкой с читателями еженедельника "Аргументы и факты" (1990, №45). 1 344 408 человек числилось якобы на 1 января 1939 года в местах заключения. А в расстрельные годы, 1937 - 1938 - 820 881 и 996 367 соответственно. Здесь исследователь проявил странную доверчивость. Ведь ГУЛАГ поставлял рабсилу наркоматам (министерствам), главкам и крупным трестам, таким, как Гидрострой, Волга-Дон, Гушосдор, Москва-Волга, Магнитогорский комбинат, Дальстрой, Азовсталь... Там счет рабочих вели на десятки и сотни тысяч зек. Они строили железные дороги и автомагистрали на территориях России и Монголии - монопольно. Трудились на шахтах, рудниках, промышленных объектах, в лесах. Сколько точно?

Когда Земскова попросили на одной научной конференции назвать источник, которым он пользовался, историк ответил со значением: "Если я открою вам эту тайну, меня отправят в те самые места..."

Служба дезинформации была на высоте во все времена. Жива она и в наши дни, иначе как объяснить сенсационные открытия М.Земскова. К сожалению, явно сфальсифицированная статистика облетела многие печатные издания и нашла сторонников среди ученых...

*(Антон Антонов-Овсиенко - книга "Враги народа".
Автор 13 лет провел в шести лагерях в 1940-1945 гг. и 1948-1956 гг.
- от Каракумов до Воркуты, и 2 года ссылки - в 1984-1986 гг.)*

«Отвалите вы с вашим 1937-м!»

70 лет назад в нашей стране случился пик Большого террора. Страна предпочитает об этом не вспоминать. Нынешний год - особенный. Это Год русского языка. А еще Год Китая в России. И год парламентских выборов. А вот 70-я годовщина массовых репрессий -- это, похоже, не такой важный повод...

У метро трое ребят в форме ВДВ дерут глотку. Мелодия у них, чувствуется, неглавное, слова -- тоже не самое сильное место. Народ на жалость не клюет и умело их обтекает. Кроме двух стариков. Похожие друг на друга не только чертами лица -- видимо, всю жизнь вместе, -- но и пергаментной бледностью, они выглядят инопланетными клонами. Она в ислевшем габардиновом пальто из 50-х, он и вовсе в болонье, хотя жара неимоверная.

Протягивают певунам несколько монет из тех, что подобрали тут же, возле торговки. Те не реагируют, у них типа перерыв. Древняя пара не уходит.

-- Живете здесь? -- спрашивает торговка, примостившаяся возле артистов, -- то ли старики ее раздражают, то ли ей их жаль.

-- Возле канала, -- отвечает дед слабым голосом из кишок. -- Примечательно, что я его сам когда-то и рыл...

-- Видать, крепкий был, раз выжил, -- с вызовом заключает тетка. -- Мы-то столько не проживем. Сейчас долго не живут.

-- Да-да, -- соглашается старик. -- Мне 89...

С ними можно заговорить и вытянуть историю. Можно навязаться в гости, в убогий затхлый быт со старыми фото, где часть лиц густо заштрихованы химическим карандашом. Только зачем? У меня самой таких снимков в семейном альбоме пруд пруди: "послевкусие" от двух расстрелянных прадедов и сосланных дедушки с бабушкой. Нужно это кому-то? Моя соседка уверяет, что нет.

-- Зачем нам тот груз, когда сегодня жить опасно, -- форсирует она голос и выпучивает глаза, как привыкла у себя в школе. -- Детей насилуют, беспризорных выше крыши, жизнь -- копейка. Упадешь -- наступят и дальше пойдут. Кому мы нужны, кроме мамы? Другам? Милиции? Государству?

-- Да, Люсь, ты научишь!

-- И научу! Ни-ко-му никто не нужен. Только на себя полагаться, иллюзий не питать.

И громкости радио прибавила как раз в тот момент, когда двое молодых цедят: "Да отвалите вы с вашим 1937-м!" И дальше сплошное "шшшш..." -- чтоб матерщину в эфир не пускать.

-- Слыхала? -- победно хохочет она, -- "Отвалите с вашим 1937-м"!

Может, взаимопонимание невозможно в принципе? Люся -- моя ровесница, учительница, и то мы друг друга не понимаем. Хотя говорим о вещах не кухонных, а глобальных. Если задуматься, мы дети и внуки либо жертв, либо палачей. Может, оттого и не можем договориться, что никто ни перед кем не винулся, никто никого не прощал, никто не мучился стыдом за своих предков и не болел чужой болью?

70 лет прошло, а разве мы изменились? Среди нас столько же умных и столько же дураков, и завистливых столько же, и трусов, и карьеристов.

...В 30-х годах из обихода исчезли записные книжки. Неверно думать, будто в те годы все поголовно строчили доносы: таких "писателей" и тогда было, и сейчас -- один из десяти. Остальные элементарно боялись подставить людей своего круга! То есть мыслили они нормально. Но адская машина все равно работала, и нужны были нечеловеческие силы, чтобы под пытками не оговорить кого угодно.

Евдокимов Е. Г., в 1933 г. -- первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии. После 5 месяцев под стражей дал показания, но на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР от них отказался и заявил: "Я назвал на предварительном следствии 124 участника правотроцкистского заговора, но это ложь, и в этой лжи я признаю себя виновным... Я не был сволочью, но стал таковым на предварительном следствии, не выдержав и начав лгать потому, что меня сильно били по пяткам..."

В одном Бутове, бывшем спецобъекте НКВД и месте массовых расстрелов и захоронений в Московской области, за 14 месяцев, с 8 августа 1937 года по 19 октября 1938-го, расстреляли и захоронили 20 761 человека. Расстреливали по 500 человек в день!

Пик массовых репрессий в Москве пришелся на 28 августа 1937 года -- в этот день здесь убили 528 человек.

Может, весь секрет в инстинкте самосохранения? Сделали же они в стране основной объединяющей идеей идею борьбы с врагами -- ходи и озирайся, будь бдителен, болтун -- находка для шпиона... А не было врагов реальных -- выдвигались мнимые. Нужно было искоренить и японских шпионов, и германских, и вредителей, и саботажников, и антисоветчиков, и уголовников -- тех кто способен подрвать режим изнутри. Так что инакомыслие как явление было исключено, с иначе мыслящими монолит не построят.

Промывание мозгов? Да. Откроем любую газету тех лет. "Правда" от 21 декабря 1937 года, 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД, А.И.Микоян выступает в Большом театре: "Пионер Щеглов Коля сообщил начальнику райотдела НКВД, что его родной отец Щеглов Владимир Николаевич занимается расхищением совхозных стройматериалов. Пионер Щеглов Коля знает, что такое советская власть -- для него, для всего народа. И родной отец ему теперь не родной, органами НКВД он арестован как враг народа. Вот какие люди у нас, товарищи! Вот где наша сила и гордость! (Бурные аплодисменты.)"

Тогда это называлось "классовым самосознанием" и "диктатурой пролетариата". Наивно? Да, но только с позиций сегодняшних. Да и то потому, что даже наше простое телевидение, наш останкинский шприц прямо в голову, сто очков дает вперед любому Микояну -- шагнули технологии! А то, как сейчас "живут по понятиям", -- что, далеко ушли за 70 лет?

Значит, все еще может повториться. Впрочем, одно различие между людьми теми и нынешними все же есть: мы -- знаем. Знаем и должны помнить. На эту память вся надежда. Гузель АГИШЕВА «Труд», 30 августа 2007 г.

Август 2007-го. У креста в Бутове, где 70 лет назад шли массовые расстрелы.
Фото Вячеслав ПРОКОФЬЕВ